В. В. РОЗАНОВ О ВЛИЯНИИ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА НА ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ ОБЩЕСТВОМ

УДК 141.7

А.Р. ЕРМОЛЮК

Всякий исследователь, приступающий к изучению жизни и творчества В. В. Розанова, сталкивается с двумя взаимосвязанными моментами: кажущейся беспринципностью мыслителя и отсутствием системы в его философских воззрениях. Известно, что Василий Васильевич был сотрудником консервативной газеты «Новое время», но это не мешало ему параллельно публиковаться в изданиях либерального толка. Неудивительно, что при жизни В. В. Розанов обладал репутацией двурушника и циника. Но уже многие его современники, а тем более позднейшие исследователи стали усматривать за кажущейся поверхностностью и непоследовательностью определённую цельность и глубину. Реконструкция мировоззрения В. В. Розанова — задача, решение которой представляет для историков философии значительную сложность. В. В. Зеньковский писал, что у В. В. Розанова было достаточно цельное мировоззрение, но розановская манера письма очень затрудняет раскрытие внутреннего единства, свойственного творчеству мыслителя.

Следует сказать, что разноречивость суждений и оценок практически не способна помешать изучению отношения мыслителя к литературе. На наш взгляд, розановские оценки влияния русской художественной литературы и публицистики на восприятие власти обществом весьма последовательны и однозначны.

Следует отметить, что эта проблема относится к числу слабо разработанных в розановедении. Патриарх историко-философского жанра В. В. Зеньковский, посвятив в своём обзорном труде В. В. Розанову несколько десятков страниц, об оценке этим мыслителем литературы не пишет вовсе. С. В. Пишун, глубоко изучавший социальную философию В. В. Розанова, упоминает и о том, что Василий Васильевич высоко оценивал общественную значимость печатного слова и указывал, что оно не только «освещает и собирает факты», но также рождает мысли и настроения [5, с. 109]. Вместе с тем, это положение остаётся у С. В. Пишуна не детализированным.

Историк философии Л. А. Шульгина отмечает, что Розанов, во-первых, рассматривал русскую литературу как барометр духовных и социальных исканий своего времени, во-вторых, признавал её влияние на формирование русского мировоззрения наряду с академической философией и богословием [16, с. 49]. Но подробного анализа этого влияния Л. А. Шульгина также не даёт.

Специалист по философии образования А. И. Павленко подметил важнейшую особенность розановского восприятия литературы: «Литература предопределяет историю, а не наоборот» [4, с. 61]. Убеждённость В. В. Розанова в том, что литература может влиять на общество, отмечали также А. А. Голубкова [1] и К. И. Горбач [2]. А. А. Голубкова анализирует место литературы в системе ценностей В. В. Розанова и приходит к выводу, что мыслитель отказывался применять к литературе чисто эстетический критерий и был склонен рассматривать её сквозь призму политического. К. И. Горбач отмечает, что для В. В. Розанова, считавшего революцию главной угрозой мироустройству России, русская классическая литература являлась «рекламой революции» [2, с. 111].

Внимание В. В. Розанова к литературе, с точки зрения его биографа А. Н. Николюкина, объясняется тем, что крупнейшие российские мыслители — Достоевский, Толстой, Леонтьев и многие другие — «воплощали в себе литературу и философию одновременно» [3, с. 12]. Здесь, напоминает А. Н. Николюкин, отразился тот факт, что в России философия долгое время не была самостоятельной дисциплиной, а развивалась прежде всего в литературе.

Работы Розанова демонстрируют, что он считал роль литературы в современном ему обществе очень значительной.

Будучи мощным каналом воздействия на общественное сознание, литература может принести обществу пользу, а может и колоссальный вред. И, пожалуй, наибольшую, по мнению В. В. Розанова, опасность она представляет тогда, когда содействует складыванию предвзятого отношения к государственной власти.

Что касается России, тревожные симптомы В. В. Розанов подмечал уже литературе в XVIII веке. Так, признавая несомненную одарённость Д. И. Фонвизина, В. В. Розанов считал его яркие комедии «Недоросль» и «Бригадир» «пристрастностными и неверными в тоне, в освещении, в понимании». Эту пристрастность

мыслитель объяснял высокомерием Д. И. Фонвизина и полагал, что, несмотря на близость драматурга к высшим кругам, его комедии подрывали доверие к Российской Империи и тем, кто призван её защищать: «"Недоросли" глубокой провинциальной России несли ранец в итальянском походе Суворова, с ним усмиряли Польшу; а "бригадиры" командовали в этих войсках. Каковы они были? Верить ли Суворову или Фонвизину»? [10, с. 332].

Современники Д. И. Фонвизина Н. И. Новиков и А. Н. Радищев подвергались в работах В. В. Розанова аналогичной критике. По мнению мыслителя, лишь то обстоятельство, что их труды были относительно малоизвестны, спасло Россию от поражения в Отечественной войне 1812 года: «Есть несвоевременные слова. К ним относятся Новиков и Радищев. Они говорили правду, и высокую человеческую правду. Однако если бы эта "правда" расползлась в десятках и сотнях тысяч листков, брошюр, книжек, журналов по лицу русской земли, — доползла бы до Пензы, до Тамбова, Тулы, обняла бы Москву и Петербург, то пензенцы и туляки, смоляне и псковичи не имели бы духа отразить Наполеона» [9, с. 202]. Распространение свободомыслия, пусть и основанное на глубоких и искренних человеческих убеждениях, пошло бы во вред монархическому государству, апологетом которого был В. В. Розанов.

Из писателей XIX века наибольшего внимания В. В. Розанова удостоился Н. В. Гоголь, анализ его творчества в трудах мыслителя занимает особое место. Василий Васильевич рассматривал Н. В. Гоголя как одну из центральных фигур в русской литературе, основоположника «отрицательного» направления — направления, в наибольшей мере способствовавшего распространению оппозиционных политических взглядов. Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков и А. Н. Радищев были известны лишь в дворянских кругах, поэтому их свободомысленные высказывания не были столь опасными для государства. А вот произведения Н. В. Гоголя, получившие широкую известность, по мнению В. В. Розанова, сыграли колоссальную роль в подрыве авторитета власти и распространении антиправительственных настроений. В. В. Розанов писал, что «ни один политик и ни один политический писатель в мире не произвел в "политике" так много, как Гоголь» [10, с. 325].

Более всего В. В. Розанова не устраивала карикатурность в изображении русской действительности, а также мощный заряд социального пессимизма и безысходности, который, по мнению мыслителя, несут гоголевские произведения. Интересно, что, характеризуя творчество писателя, Василий Васильевич неоднократно обращался к образу смерти: «Под разразившейся грозою "Мертвых душ" вся Русь присела, съежилась, озябла... Вдруг стало ужасно холодно, как в гробу около мертвеца... Вот и черви ползают везде...» [7], — или в другом месте: «Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь, и мертвые души только увидал он в ней. Вовсе не отразил действительность он в своих произведениях, но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на нее: от этого-то и запоминаются они так, как не могут запомниться никакие живые образы» [8, с. 51].

Неприглядное изображение русской действительности у Н. В. Гоголя, по мнению В. В. Розанова, дурно влияло на общественное сознание, фактически оправдывая действия, направленные на подрыв российского государства: «За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. "Лишние люди". Тоскующие люди. Дурные люди. Все врозь. "Тащи нашу монархию в разные стороны". — "Эй, Ванька: ты чего застоялся, тащи! Другой минуты не будет"» [9, с. 228].

Огромное, с точки зрения Розанова, влияние оказал Н. В. Гоголь и на последующую литературу и публицистику: «Гоголь, — так-таки решительно без мысли, не только у героев своих, но и у себя, если не считать "Размышлений о Божественной Литургии" и писем к калужской губернаторше Смирновой, — толкнул всю Русь к громаде мысли, к необычайному умственному движению, болью им нанесенною, ударом, толчком. Сейчас за ним пошли не формальные, слабые, глиняные, сравнительно антихудожественные Рудины, Лежневы, Базаровы, пошли Рахметовы и Кирсановы, выбежал Чернышевский, выскочила "Вера Павловна" (в "Что делать?") — все это — слабо, ничтожно, все не изваяно. Но вот в чем суть: все думают, все стараются думать. Вся Русь "потянулась из жил", чтобы убежать от мертвых червяков Гоголя» [7].

Как видно из приведённого высказывания, демократическая литература второй половины XIX века оценивалась В. В. Розановым преимущественно отрицательно. Он находил для неё весьма хлёсткие сравнения: «Отвратительная гнойная муха — не на рогах, а на спине быка, везущего тяжелый воз, — вот наша публицистика, и Чернышевский, и Благосветлов: кусающие спину быку» [10, с. 435]. Искажённое представление о русской действительности у молодёжи, сложившееся под влиянием писателей и публицистов, практически исключало формирование у подрастающего поколения патриотизма и любви к Отечеству. «После Гоголя,

Некрасова и Щедрина совершенно невозможен никакой энтузиазм в России. Мог быть только энтузиазм к разрушению России». Энтузиазмом последнего типа заражали умы «господа "Современника", "Отечественных записок" и "Русского богатства"» [12].

В целом В. В. Розанов возлагает на русскую литературу XIX века историческую вину за крушение Российской Империи и революционное упразднение монархической формы правления: «Литература, которая была "смертью своего отечества". Этого ни единому историку никогда не могло вообразиться. Но между тем совершенно реальна эта особенность, что "ни одной поломки корабля" и "порчи машины" нельзя указать без ее "литературного источника"» [15, с. 374–375].

При этом принципиальным представляется отказ В. В. Розанова признавать «отрицательную» литературу реалистической. К примеру, преднамеренно гиперболизированные образы гоголевских взяточников и казнокрадов «передовая интеллигенция» воспринимала буквально. По выражению Розанова, «"воробей слова" был гораздо гнилостнее, нежели "пугало действительности"» [14]. Однако авторитет умозрительных идей, высказывавшихся «властителями дум», был настолько велик, что именно с ними, а не с реальными потребностями общества, радикально настроенная интеллигенция соизмеряла действия власти: «Да разве не было случая, когда травили великого государя, освободителя крестьян, за то, что он "не дошел до той высоты мысли Чернышевского" и в реформах сообразился с нуждами России, а не "с мыслями Чернышевского"» [13, с. 129], — пишет Розанов. После постоянной трансляции идеи о сугубо бедственном положении России, «как же удивляться, что всякий русский с 16-ти лет пристает к партии "ниспровержения государственного строя"», — вопрошает Розанов [10, с. 400–401].

Несколько упрощая, можно сказать, что, по мысли В. В. Розанова, для многих представителей образованного слоя книжная реальность оказалась живее и убедительнее, нежели подлинная социальная реальность. Но как это произошло? Как могло случиться, что, по афористическому выражению мыслителя, «Афродита Милосская затмила живых женщин»? В. В. Розанов указывал две причины.

Во-первых, это литературное мастерство писателей «отрицательного» направления. Говоря о розановской критике литературы, следует подчеркнуть: мыслитель не считал произведения русских писателей и публицистов бесталанными. Напротив, он часто восхищался совершенством литературных форм, к примеру, работ Н. В. Гоголя. Однако парадоксальным образом это лишь усиливало общее неприятие их творчества, поскольку блеск стиля и совершенство форм лишь усиливало заложенный в нём деструктивный заряд, придавало большую убедительность пагубным идеям, имевшимся в них. «От декабристов до нас литературу русскую определят "пакостничеством"... Очень талантливым, временами — гениальным. Но — пакостничеством. Перья были золотые. Но они обмакивались в какую-то зловонную гущу пакостных чувств и идей. Да, вот где зло и Рок русских и России, где прозвучало что-то похоронное над "всеми русским", что гениальный по силам период русской литературы и был употреблен просто на пакость» [11, с. 81].

Во-вторых, интеллигенция, которая принимала неприглядное и не соответствующее действительности изображение жизни в литературе за реалистическое, страдала оторванностью от народа. Обосновывая эту мысль, В. В. Розанов ссылался на свой личный опыт, описывая в статье «Революционная Обломовка» случайно услышанную беседу двух простых мужиков из села Черняева: «Меня поразила эта беседа мужиков "про свои дела", так непохожая на то, что я читал "из Лассаля и Прудона". Там ненависть и перспективы отчаяния. Здесь любовь и явная благодарность» [5].

Последние годы жизни В. В. Розанова пришлись на начало XX века — период революционных потрясений, которые мыслитель воспринял как результат усилий российских писателей и публицистов по подрыву доверия к существовавшей власти. До революции, в 1913 году, Василий Васильевич полагал возможным победить «загаженность литературы, ее оголтело-радикальный характер, ее кабак отрицания и проклятия» [9, с. 268] и тем самым положить начало благотворным социальным переменам. Летом 1917 года, уже после Февральской революции, он подчёркивал огромную важность субъективного, идеологического фактора в крушении монархии и дальнейшем падении авторитета власти: «"Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь". А "слово"-то уже "выпущено". Как винить толпу, которая слушает» [14]. По мнению В. В. Розанова, на русских писателях лежит ответственность за появление приказа № 1 Петроградского совета, который фактически упразднял власть офицеров над солдатами, спровоцировал невиданный развал дисциплины в армии и, в конечном итоге, подтолкнул позорный выход России из Первой мировой войны. «Ранее его (приказа — А. Е.) начало слагаться пренебрежение к офицеру как

к дураку, фанфарону, трусу, во всех отношениях к ничтожеству и отчасти к вору, для чего надо было сперва посмотреть на Скалозуба в театре и прочитать, как умывался генерал Бетрищев, пишущий "Историю генералов отечественной войны", — у Гоголя, фыркая в нос Чичикову. Тоже — и самому Толстому надо было передать, как генералы храбрятся по виду и стараются не нагнуться при выстреле, но нагибаются, вздрагивают и трясутся в душе и даже наяву» [6, с. 655]. Иными словами, общественные настроения, послужившие почвой для возникновения печально известного приказа, В. В. Розанов рассматривал как прямой результат влияния образов офицерства в русской литературе на общественное сознание.

В последней работе «Апокалипсис нашего времени», созданной в 1918–1919 годах, В. В. Розанов, резюмируя свои размышления о причинах распространения антиправительственных взглядов и крушения Российской Империи, возлагает ответственность за это на отечественную литературу: «Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих "разложителей" России ни одного нет нелитературного происхождения. Трудно представить себе... И, однако, — так» [6, с. 656].

Таким образом, согласно В. В. Розанову, литература играла огромную роль в жизни российского общества конца XIX — начала XX вв. Она помогала «читающей публике» определить отношение к важнейшим вопросам жизни, была серьезным фактором, формирующим социальные настроения и политические взгляды. Подлинной бедой для нашей страны, по мнению В. В. Розанова, стало то, что в её классической литературе возобладала и стала магистральной «линия Гоголя», связанная с протестными настроениями и политической оппозиционностью. Деятельность органов власти, чиновники, офицерство представлены там никчёмными и вредными. Под влиянием такой литературы у интеллигенции складывается отрицательный образ власти. Это способствует легкому усвоению ею революционных взглядов, которые даже становятся своеобразной интеллектуальной модой. Интеллигенция же, используя своё положение в системе производства и распределения информации, тиражирует это отношение к власти, способствуя его распространению среди остальных групп населения.

1. Голубкова А.А. Критерии оценки в литературной критике В.В. Розанова [Текст] / А.А. Голубкова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 186 с.
2. Горбач К.И. Проблема «Россия-Запад» в философии русского религиозного ренессанса XX века (В.Н. Эрн, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов) / К.И. Горбач: дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. 152 с.
3. Николюкин А. В.В. Розанов в контексте эпохи [Текст] / А. Николюкин // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2008. С. 7–34.
4. Павленко А.И. Философско-педагогическая идея семьи в публицистике В.В. Розанова / А.И. Павленко: дис. ... канд. пед. наук. Елец, 2000. 182 с.
5. Пишун С.В. Социальная философия В.В. Розанова / С.В. Пишун. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1993. 152 с.
6. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени [Текст] / В.В. Розанов // Розанов, В.В. Апокалипсис нашего времени. М.: Эксмо, 2008. С. 597–682.
7. Розанов В.В. Гений формы (К 100-летию со дня рождения Гоголя) [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. URL: http://www.bibliotekar.ru/rus-Rozanov/45.htm (дата обращения: 29.03.2012).
8. Розанов В.В. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария / В.В. Розанов // Розанов В.В. Мысли о литературе. М. : Современник, 1989. С. 41–157.
9. Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый [Текст] / В.В. Розанов // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М. : Эксмо, 2008. С. 133–296.
10. Розанов В.В. Опавшие литья. Короб второй и последний [Текст] / В.В. Розанов // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М. : Эксмо, 2008. С. 301–594.
11. Розанов В.В. Мимолётное. 1915 год / В.В. Розанов // Розанов В.В. Мимолётное / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1994. С. 5–334.
12. Розанов В.В. Перед Сахарной [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. URL: http://users.kaluga.ru/kosmorama/pered_sakh.html (дата обращения: 29.03.2012).
13. Розанов В.В. Последние листья. 1916 год / В.В. Розанов // Розанов В.В. Последние листья / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2000. С. 5–236.
14. Розанов В.В. Революционная Обломовка [Электронный ресурс] / В.В. Розанов. URL: http://users.kaluga.ru/kosmorama/oblomovka.html (дата обращения: 29.03.2012).
15. Розанов В.В. С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе рус-ской литературы) [Текст] / В.В. Розанов // Налепин А.Л., Померанская Т.В. РОЗАНОВ@etc.ru. М. : Центральный издательский дом, 2011. С. 366–384.
16. Шульгина Л.А. Проблема социального идеала у В.В. Розанова : дис. ... канд. филос. наук / Л.А. Шульгина. М., 1999. 127 с.